

Все пути идут через Казань

В татарском театре хорошая погода

С 1957 года являюсь я последовательным поклонником Татарского академического театра имени Галиасгара Камала — с тех пор как впервые увидел его спектакли на гастролях в столице. Мы встречаемся регулярно и в Москве, и в Казани, вместе переживаем радости открытий, но и горести поражений тоже; вместе десять лет назад справили новоселье в уникальном здании в центре города, сразу же ставшем достопримечательностью Татарстана.

На моих глазах происходила естественная смена поколений артистов и зрителей. Политика преемственности последовательно проводится главным режиссером Марселем Салимкановым и директором Шамилем Закировым. Здесь никто не забыт. Стены фойе украшают не просто старые афиши и фотографии, но скульптурные и живописные портреты, барельефы выдающихся актеров, режиссеров, драматургов, композиторов, в течение века добывавших славу татарскому театру.

Его история отличается среди прочих особенностей тем, что драматургия родилась здесь примерно на два десятилетия раньше первых сценических опытов. В отличие от многих других национальных театров, ведущих свое летосчисление едва ли не со времен античности, татары скромно остановились на 1906 годе, другими словами, через пять лет они намерены отметить свой первый вековой юбилей.

В их афише по-прежнему предпочтение отдается современной татарской драматургии, но на камаловскую сцену не заказан путь и Шекспиру, Гольдони, Лопе де Вега, Шиллеру, Ибсену, Эдуардо Де Филиппо, Ивану Франко и, конечно, Островскому — его в Татарстане считают "местным" автором, ведь Александр Николаевич долгие годы жил под Кинешмой в имении Щелыково, в 18 верстах от Волги.

Здесь не отдают предпочтения какому-либо одному жанру — народный лубок "Зятя Григория" спокойно уживается с философской притчей "Старик из деревни Альдермеш" того же Туфана Миннуллина — последний спектакль с огромным успехом идет у камаловцев уже больше четверти века! А рядом с ними только что появилась драма Ивана Франко "Украденное счастье" — первый опыт обращения татарского театра к выдающемуся произведению украинского драматурга.

В четвертый раз возвращается театр к "Толубой шали" Карима Тинчурина — через эту народную фреску прошли все поколения артистов и зрителей. Я тоже смотрел "Толубую шаль" сейчас не впервые. Но впервые мне показалось, что в пьесе искусственно соединились три самостоятельных произведения, а уже два-то наверняка. Вся линия Майсары и Булата из первого и последнего актов вполне могла бы составить отдельный сюжет. Что же касается сцены в лесу, где собрались те, кто считает себя социально ущемленными, то и она способна претендовать на полную автономию. Может быть, в свое время, в середине 20-х годов, кто-то надумил Карима Тинчурину "усилить" социальные мотивы пьесы — ведь рядом появились "Виринея", "Шторм", "Любовь Яровая", "Разлом"... Повторяю, сам по себе второй акт в лесу — замечательное про-

изведение, но он останавливает развитие основного сюжета, и мы с трудом после антракта вспоминаем о любовных перипетиях Майсары и Булата.

"Толубая шаль" не единственный пример возвращения в репертуар пьесы, которая уже имела успех у зрителей. Спустя 10 лет один из самых талантливых молодых режиссеров России Фарит Бикчантаев поставил мюзикл Мансура Гилязева "Казанские парни" в своей новой редакции с другими исполнителями. Признаюсь, я шел на спектакль с некоторыми опасениями: а вдруг второй раз все получится хуже, без того опья, что полькал на сцене в 1990 году.

Однако с первых же минут все тревоги рассеялись: новые исполнители такое вытворяли на сцене, сохраняя все те же непосредственность и наивность, без которых невозможно играть подробные пьесы! Вполне взрослые актеры вали себя как люди, не позабывшие своего детства: пели, плясали, вертели колесом, а главное — подзадоривали друг друга, не забывая о том, что их герои наделены пусть и не слишком подробными, но собственными чертами характера, разным темпераментом, своей пластикой и, конечно, чувством юмора — и мужчины: Искандер Хайруллин, Фанис Зиганшин, Радик Бариев, Ильдус Габдрахманов, Николай Юкачев, и женщины: Ляйсан Рахимова, Ильдия Тухватуллина, Люция Хамитова, Ляйсан Дусаева, — все вместе они заражали зал неподдельным весельем, освобождая нас от необходимости логически оценивать поступки героев. В этом неоценимую помощь им, безусловно, оказали художник Сергей Скоморохов, композитор Азат Хусайнов и особенно блетмейстер Салима Аминова.

Что неизменно радует в зале Театра имени Камала — хроническое отсутствие свободных кресел. И одинаковое нескрываемое ощущение праздника и у тех, кто приходит в зал в традиционных национальных нарядах, наглухо скрывающих почти все части тела, и, напротив, у тех, кто является в ультрасовременных костюмах, скорее напоминающих бикини...

Театр имени Камала может гордиться тем, что сохраняет культуру родной речи и одновременно приобретает своих соотечественников к вершинам мировой и новинкам современной драматургии. Что он, играя для взрослых, не забывает и о самых маленьких. Что постоянно ищет новых авторов, актеров, режиссеров, сценографов, беспокоясь о завтрашнем дне, испытывая завидное чувство неудовлетворенности достигнутым. Хотя не скрою: меня тревожит недостаточная занятость в текущем репертуаре ведущих мастеров среднего и старшего поколения, пребывающих сегодня в отличной форме. Нельзя в угоду будущему жертвовать настоящим, тем более когда речь идет о живых талантливых людях, — они есть главная ценность в любом деле, и театр не составляет исключения.

Я далек от мысли утверждать, что все здесь обстоит идеально. Отнюдь. Проблем, увы, хватает и с тем, и с другим, и с третьим. Но ведь дорогу, как известно, осилит идущий. А многие театральные пути проходят сегодня через древний и прекрасный город Казань...

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Фото Ф. ГАРИФУЛЛИНА

Сцена из спектакля "Казанские парни". Тукай — И. Габдрахманов